

Ильина о духовном акте, о сердечном, творческом созерцании достойно составить «золотой» фонд акмеологии, эвристики, теории творческого мышления и художественного творчества, теории педагогики и заслуживает обсуждения и развития.

#### Библиографический список

1. *Иван Ильин и Россия: Неопубликованные фотографии и архивные материалы* / Автор-сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999.
2. *Ильин И. А. О воспитании в грядущей России* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2.
3. *Ильин И.А. О религиозном кризисе наших дней* // Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2005.
4. *Ильин И. А. О русской идее* // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 годов: в 2 т. М., 1992. Т. 1.
5. *Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т.6., кн. 1.
6. *Ильин И.А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939-1954)*. М., 1999.
7. *Ильин И.А. Сердечное созерцание* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т.8.
8. *Ильин И.А. Стань цельным* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т.8.
9. *Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 1 – 2. М., 1997, кн.*

М.А. Ершова

#### **Методология академической философии в исследовании православного понимания феномена одежды**

Представители академической школы русской философии специально не занимались исследованием феномена одежды, хотя антропологическая проблематика в целом играет исключительную роль в их философствовании. Изучая на протяжении нескольких лет академическую философию вообще и ее антропологическое направление в частности, автор данной статьи решил предпринять попытку использовать методологию академической школы русской философии применительно к проблеме одежды. Было решено в качестве предмета исследования избрать православное понимание феномена одежды по следующим причинам. Во-первых, исследований по этому предмету крайне мало. Во-вторых, сегодня очень многие люди, так или иначе сталкиваются с этим предметом на практике (пресловутые «платочки» при посещении православных храмов). В-третьих, тема окружена целым облаком мифов и предрассудков. Все это послужило стимулом разобраться в проблеме по-философски, то есть, спокойно, взвешено и разумно.

Методология академической философии базируется на следующих принципах. Опора на аутентичные источники, анализ патристического эпистолярного наследия активно сочетается с использованием рационально-критических способностей исследователя. В области антропологии академическая философия опирается на принципы двойственности человеческой природы, динамичности человеческого бытия, церковности бытия человека. Аутентичными для православной антропологии будут являться следующие источники: Библия, труды святых отцов, данные церковного опыта (православная мистика, аскетика, литургическая жизнь).

Итак, человек и его одежда. Естественно, сразу возникает и тема человека лишенного одежды, ибо они неразрывны, и мера одетости (или раздетости) в различных культурах, исторических эпохах, для разных социальных групп сильно меняется. Начнем с констатации положений общеизвестных. Практически не существует общностей людей совершенно голых. Даже если климатические условия позволяют обходиться без одежды, человек как бы ограждает свое тело от окружающей среды украшениями или раскраской. Одежда никогда не редуцируется к своей утилитарной функции, но всегда является мощным невербальным каналом трансляции смыслов. Одежда в буквальном смысле выделяет человека из природы, и в этом ее гуманизирующее и социализирующее значение. Одежда скрывая «животное» индивида переключает внимание на его личностное бытие. Когда тело одето – смотрят на лицо, когда раздето – смотрят на тело. Оно просто пропорционально гораздо больше лица. Человек одетый воспринимается как личность, раздетый – как тело.

Обратимся теперь к раскрытию темы одежды в православной антропологии. Начнем с того, что православное учение о человеке оценивает одежду не как атрибут человеческого существования. То есть, изначально человек не нуждался в одежде: «и были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2, с.25). Очевидно, восприятие индивида как личности (а не как тела) было возможно при *той* наготе. Необходимость в одежде появляется лишь после грехопадения: «и сделали себе опоясания...» (Быт.3, с.7). Интересны в этом отношении слова Писания о том, что Бог сделал «Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» (Быт. 3,с.21). В святоотеческой литературе существует мнение, что под кожаными одеждами подразумевается дебелая плоть. То есть тело животное, более грубое по сравнению с первозданным. Приобретение этой плоти меняет и способ размножения людей.

Библейским текстом четко фиксируется, что потребность в одежде возникла лишь вследствие изменения самого человека, и прежде всего его внутреннего мира. Это очень важный момент для понимания православного отношения к одежде. Грехопадение в целом рассматривается православными мыслителями как мировая катастрофа, в результате которой уродуется природа человека и он становится калекой. Это уродство передается по наследству. Калека, в отличие от здорового нуждается в различных вспомогательных средствах выживания. Для изуродованного грехом человека одежда – одно из этих средств. Таким образом, человек падший, или по патристической терминологии находящийся в нижеестественном состоянии, не может обходиться без одежды. Одежда это своего рода вынужденная мера, предписанная больному человеку.

При рассмотрении любого вопроса православная антропология исходит из сложности человеческой природы: человек духовно-материален, или материально-духовен (последовательность не важна). Важно то, как понимается эта сложность. Православная антропология исходит из взаимовлияния духовного и материального начал в человеке. Всякое изменение духа сопровождается телесными изменениями, а изменения телесные влекут за собой духовные движения. В принципе, этим знанием обладают не только православные, но и буддийские, манихейские и прочие аскеты. Православная антропология принципиально отличается тем, что исходит из идеи сотрудничества (а не вражды) этих начал. Спасен, то есть, исцелен, освобожден от греха, должен быть весь человек, во всей полноте его психофизического состава. Аскетические практики других религиозных и философских течений предполагают разрыв этого единства, и освобождение духовного начала от материального (которое и отождествляется со злом). Православная антропология рассматривает такой разрыв как противоестественный, оценивает его как следствие грехопадения и называет смертью.

Влияние тела на дух, с точки зрения православной антропологии, может быть как отрицательным (провоцирование на грех), так и положительным (ослабление власти греха над личностью). Именно такое понимание характера связи души и тела формирует подчас щипитильное отношение православной антропологии к одежде. Повторим еще раз, одежда – одно из средств выживания падшего человека. И речь идет не только и не столько о ее утилитарной функции. Гораздо более значимо для православной антропологии

те изменения, которые производит одежда в душе человека. Важно то, как одежда способствует освобождению человека.

Так, например, каждая деталь монашеской одежды имеет свое значение, является своего рода памяткой основных положений иноческого образа жизни [1, с. 33 – 36]. Ношение такой одежды является мощным дисциплинирующим фактором, ибо, выступая, с одной стороны, декларацией жизненного кредо, с другой стороны требует от индивида соответствия его поступков этой декларации. Конечно, и волки бывают в овечьей шкуре, но проблемное поле нашего исследования ограничивается прояснением православного понимания феномена одежды, что, естественно, требует отказа от штудирования тем, выходящих за эти границы.

Далее необходимо упомянуть и о том, что некоторым видам одежды присваивается очень высокое значение. Ношение их дозволяется только лицам, посвященным к определенному служению и только в определенных ситуациях. Это справедливо и в отношении монашеской одежды, но главным образом касается священнических риз. В ризы священник облачается лишь на время совершения богослужения. Возложение каждой детали облачения сопровождается чтением установленных мест из Священного Писания, подчеркивающих особое значение этого служения. Более того, священник не имеет права совершать богослужения без этих одежд. Церковные каноны предписывают особо бережное отношение к священническому облачению, требуют содержать его в чистоте и целостности.

Не удивительно, что эстетике такой одежды уделяется особое внимание: облачение должно быть красивым! Предстать перед Богом нужно в лучшем, лучшее принести Ему в дар. Вспомним судьбу Каина, выбравшего для жертвоприношения плоды по принципу: «на Тебе Боже, что нам не гоже». Справедливости ради надо отметить, что распространившаяся с 90-х годов 20 века среди неофитов мода на мрачные и безобразные одеяния идет в разрез с православным пониманием феномена одежды. Во все эпохи и во всех культурах, воспринявших православие, в церковь одевались особенно тщательно: празднично, нарядно, красиво. Среди множества проповедей, обличающих пороки мирян, существует немало на тему бесстыдства в одежде, но нет порицающих стремление соблести ее эстетичность как таковое.

В течение года Церковь последовательно проживает различные моменты истории человечества. Проживает вместе со своими членами – верующими. В течение года в зависимости от праздничного, постового или будничного характера богослужения, оформление храма выдерживается в одном из семи

цветов. Белый, красный, зеленый, черный, желтый, фиолетовый или голубой цвет священнического и храмового облачения порождают определенные духовные переживания, помогают отрешиться от повседневности. Таким образом, одежда становится важным элементом как подготовки к общению человека с Богом, так и самого процесса общения. Одежда приобретает сакральный смысл, становясь символом восстановления утраченного единства Бога и человека, символом прорыва в вечность, преобразования бытия в бытие.

С другой стороны, православная антропология чужда абсолютизации влияния одежды на внутренний мир индивида. Это всегда позволяло Церкви увидеть подлинное подвижничество, в какие бы одежды оно не было облечено. Будь то грязные лохмотья нищего, густые белила и румяна боярыни, вечерние платья великой княгини или лисья шуба купчихи. Здесь одежда, с точки зрения православной антропологии, тоже выступает средством. Но не средством напоминания, декларирования или дисциплинирования, а средством сокрытия. Эпатирующая одежда юродивого или платье строго соответствующее социальному статусу и моде позволяют их владельцам скрывать напряженность внутреннего делания, богатство духовных даров.

Драматизм человеческого существования в обществе заключается помимо всего прочего еще и в том, что общество не терпит людей выдающихся, особенно в духовном отношении. Религиозность более чем среднестатистическая всегда воспринимается как вызов почтенной публике. Обыватель обижается: «ты что, лучше всех?», – и пытается вернуть с небес на землю «выскочку». Поэтому для жаждущего не теплохладного прозябания, а горения духа к Богу, одежда в соответствии с предписаниями светского этикета становится своего рода крепостной стеной, ограждающей его от нападков «доброжелателей». Он вроде такой же, как все, ничем не выделяется, а потому лезть к нему в душу не интересно. Индивид не тратит силы на противостояние ближним, пытающихся привести его к общему знаменателю.

Одежда «как у всех» позволяет подвижнику избежать и другой крайности в общественном к нему отношении – прославления при жизни. Действительно, если человек не носит вериг, не ходит босиком по снегу, не посыпает голову пеплом, то он не интересен для почитателей особой религиозности, а потому, избегнув славы, скромно переходит от силы в силу.

Лохмотья юродивого кроме этой защитной функции (сокрытие духовной высоты) для человека их носящего обладают еще и воспитательным значением. В самом деле, нищих презирают, ими гнушаются, их гонят, ибо встречать принято по одежке. Надев нелепое и грязное рвань подвижник упражняется в

терпении, смирении, незлобии, прощении и любви к ближним. Учитесь видеть за дорогим костюмом богача, презрительно его оттолкнувшего, живого человека с его радостью и скорбью, страстями и добродетелями, одаренностью и бездарностью.

И еще один аспект феномена одежды хотелось бы осветить в данном исследовании – мода. Понимание одежды, базирующееся на принципах православной антропологии, характеризуется спокойным отношением к моде. Так, например, русское общество 17 века оценивало подражание европейской моде как грех. Широко известно отношение широких слоев населения и к петровским нововведениям в этой области. Однако, в скором времени европейское платье остается объектом нападок лишь в старообрядческой среде. В Церкви берет верх позиция, основывающаяся на принципах православной антропологии: одежда влияет на внутренний мир человека, но это влияние не носит абсолютного характера.

Выступая необходимым условием существования падшего человека, она все же, не обуславливает его спасения. Поэтому пастырское попечение направляется не против моды как таковой, но против пристрастия к моде, против слепого следования ей и фетишизации модных вещей. Православное требование к одежде мирянина можно, пожалуй, сформулировать в двух словах: благочестиво и красиво.

Приходится, однако, констатировать, что оба эти требования расходятся с почти единственным требованием к современной одежде. Как известно она должна быть сексуальной. Не важно, будет ли платье к лицу, важно, чтобы оно вызывало известное желание у представителей противоположного пола. Насколько гуманен каждый из этих подходов?

Идеологи современной культуры исходят из приоритета сиюминутного желания, мимолетного настроения и считают собственно человеческой деятельностью игру. Поэтому сексуальность пишется ими на знаменах современного гуманизма. Тем не менее, нельзя не признавать, что костюм, созданный по принципу «сексуально» притягивая внимание, порождая желание овладеть телом в него облеченным, создает напряжение в обществе, нередко провоцируя насильственные действия. Надевая подобного рода одежду, индивид заявляет окружающим, что главное для него не личность другого, а техничный секс. Такой индивид и себя выставляет, прежде всего, в качестве обладателя набора известных ЗУНов. Редуцируя человека к одному из его телесных проявлений подобный подход дегуманизирует общество, уродует

индивида, лишая его многогранности бытия и полноты восприятия окружающего мира.

Опираясь в создании или выборе костюма на правило «благочестиво и красиво», индивид, прежде всего, демонстрирует свое уважение к другим людям и стремление не нарушить их покой. Действительно, красивое платье не вызывает раздражения, в отличие от безобразного. Одежда благочестивая само по себе не провоцирует волнения чувств и не отвлекает от общения с человеком, решения производственных задач или собственных дум.

Одним словом, главная задача одежды с точки зрения православного учения о человеке – освободить личность от давления плоти. Повторим еще раз: для православной антропологии не физическое тело человека является источником зла. Грех не в том, что индивид удовлетворяет потребности тела, а в том, что эти потребности гипертрофируются, раздуваются, заслоняют собой всецелого человека. Совокупность извращенных желаний, потребностей, немощей тела и называется в православной антропологии плотью. То есть, грех не в самом теле, а в отношении личности к своему или чужому телу.

Освобождение от давления плоти подразумевает восстановление гармонии и сотрудничества духа и тела. Значит, православная антропология ставит перед одеждой задачу гармонизации личности, чтобы, по словам поэта, «радоваться небу, не забывая о земле» [2, с. 324].

#### Библиографический список

1. *Дорофей, преп. Авва* Душеполезные поучения. М., 1991.
2. *Роман, иером.* Внимая Божьему велению. Стихи. Духовные песнопения. – Мн.: Изд-во Белорусского экзархата, 2000.

К.С. Костерина

#### **Искусство и дизайн: проблемы взаимодействия**

Сегодня существует три концепции, проясняющих сложное соотношение дизайна и искусства. Первая гласит, что дизайн – это не искусство. Согласно второй, дизайн содержит в себе элементы искусства, но не совпадает с искусством. Третья утверждает, что дизайн – это абстрактное искусство. Многие явления современного искусства инициированы дизайном и объективно служат для него своего рода лабораторией. Поэтому сегодня оказывается возможным и уместным сопоставлять произведения искусства с результатами художественно-проектной деятельности дизайнера.

Сложность исследования заключается в том, что не только дизайн, но и искусство сегодня принадлежат к открытым понятиям, для которых характерна